

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

11 МАР 1988

Счастливое рабство

Испытание славой для художника — самое жестокое и серьезное, на этом пути его подстерегает масса опасностей. Но душа актера обязана трудиться, быть выше и чище, чтобы слышать музыку.

А музыка не лжет, она сама по себе свидетельство непорочного духа, сильной воли.

Издавна земля русская славилась музыкальными самородками, голосами раздольными, вольными. Наверное, оттого, что их всегда было много, не особенно ценили; спохватывались, когда уходили насовсем. Много ли сегодня можно называть фильмов: документальных, художественных о судьбе русских певцов?

Мы много говорим и пишем о массовой культуре, о рок-музыке, но сами почему-то на экспорт поставляем истинно народные произведения, отлично понимая, что аналогий в мировой культуре им нет. И у себя дома мы показываем гостям именно спектакли Большого театра с участием... Елены Образцовой, а среди своего же народа ее искусство по-настоящему не пропагандируем.

Конечно, создать портрет этой актрисы трудно, почти невозможно. Он получается или монументальным, парадно-иллюстративным, как на картинах А. Шилова (так и хочется вспомнить Фаворского), или рекламнo - фотографическим, когда актриса демонстрирует себя такой какой хотят видеть ее зрители.

Перед создателями фильма «Любовь и муки Елены Образцовой» стояла сложная задача: рассказать о певице способной довести звук почти до воспоминания о нем, сгустить этот звук до материальной плотности, цвета, зримости.

Режиссер-постановщик А. Складенко вместе с оператором В. Шаровым сумели не просто проникнуться главной темой жизни Е. Образцовой, передать все сложные партии ее арий: Кармен, Амнерис, Иокасту, Далилу, но и перевести их на язык зримых символов,

лов, подчинить весь видеоряд фильма темпоритму музыки.

Тема вечно прекрасного и временного, сиюминутного рефреном проходит через сюжет. Она западает в уголки нашей памяти, перехватывает горло, когда в пустом Большом зале консерватории звучит романс «Темно-вишневая шаль». «Я о прошлом теперь не мечтаю» — звучит образцовское меццо-сопрано, а в кадре задумчивое, милое лицо Елены Васильевны — уже профессора, воспитывающего своих учениц.

Складенко вместе с оператором ставят отрывки из опер на живой натуре. Обычно оперные сцены в условиях натуральных съемок выглядят эклектично, неестественно. Здесь же этого не происходит.

Пожалуй, редко кому из оперных певиц удавалось так мощно воссоздать характер женщины любящей, жертвенной. Наблюдая за актрисой в разных образах, вдруг ловишь себя на том, что вместе с певицей воспаряешь духом, испытываешь необыкновенное очищение от проникающих в душу сладостных звуков. Иными словами, попадаешь в то самое счастливое рабство, о котором вначале говорит актриса. Меняются времена года, сельские и городские пейзажи. Где-то актриса откровенно позирует, где-то играет в самой жизни, но это естественно: ведь, по существу, она не живет своей жизнью, а живет жизнью своих героинь.

Л. ЛЕБЕДИНА.